

К.Н. Филькин, О.В. Хазанов

**КУДА МОЖЕТ ЗАВЕСТИ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ»: РЕЦЕНЗИЯ НА
ДИССЕРТАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И.А. ТАРАСЕВИЧА «КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ТЮМЕНЬ, 2015)**

Междисциплинарность и основанный на ней так называемый методологический синтез являются теми свойствами исследования, которое обычно воспринимается положительно: оно указывает на широту интересов автора, новаторское использование различных методологий и, как следствие, интересный для разных областей науки результат. Но все это справедливо только в том случае, если исследователь по-настоящему владеет достаточным уровнем познаний в разных областях. В обратном случае невозможно избежать казуса. Особенно это бросается в глаза, когда недостающая по одной из областей научная квалификация подменяется личными предпочтениями: идейная субъективность вместо методологического аппарата. Проблемы верифицируемости результатов полидисциплинарных синтезов неоднократно становились предметом критики [1].

Живым примером указанной проблемы стало диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук И.А. Тарасевича на тему «Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации» (Тюмень, 2015).

Тематика безопасности, в том числе религиозной, в последнее время звучит чрезвычайно остро и часто, что могло бы сделать указанное исследование важным и актуальным, находящимся в мейнстриме политических векторов. С другой стороны, само выстраивание взаимоотношений государственных и религиозных институтов является важной задачей для любого общества, в том числе и современного российского. Можно отметить целый ряд мировых и сугубо российских проблем, затрагивающих религиозную сферу: межконфессиональные и межэтнические конфликты; возрастание напряженности в социуме, вызванной угрозой терроризма; широкое применение антиэкстремистского законодательства в религиозной сфере; конфликты интересов при реституции церковного имущества; противоречие между статусом светского государства и влиянием церкви на политику, культуру и общественную жизнь. Острота и значимость указанных проблем в России особенно повышены, поскольку РФ является многонациональным и многоконфессиональным государством. Следовательно, очевидна необходимость решения указанных проблем. Однако решения, предлагаемые автором в диссертации, вызывают серьезные возражения.

Представленное исследование, без сомнения, является междисциплинарным – оно затрагивает как юридическо-правовые нормы, так и религиозоведческую сферу. Вместе с тем можно отметить ключевой минус работы – крайне слабую проработанность религиозоведческой и вместе с ней исторической стороны выбранной темы. Например, ни в работе, ни в списке литературы не были обнаружены ключевые как российские, так и иностранные исследователи религии (а таковых крайне много: например, А.И. Клибанов, Л.Н. Митрохин, В.И. Гараджа, И.Я. Кантеров, И.Н. Яблоков, С.Б. Филатов, Д.Е. Фурман, Б.З. Фаликов, Е.А. Торчинов, Ф.М. Мюллер, Р. Старк, П. Бергер, А. Баркер, Дж. Бэкфорд и др.). Вместо этого список литературы переполняют источники православной тематики, публикации православных издательств и огромное количество ссылок на православные апологетические интернет-ресурсы. Причем православные источники присутствуют в том числе в блоке «Научная литература».

После ознакомления с работой остается стойкое понимание, что автор на основе, вероятно, собственного мировоззрения ставит цель юридического запрета тех форм религиозности и религиозных организаций, которые сам считает ошибочными. Подавая эту идею в русле конституционного права, автор, вероятно, сам не замечает, как противоречит действующей Конституции, гарантирующей свободу совести и отсутствия единой и обязательной для всех идеологии.

Автор предлагает наделить некоторые религиозные объединения статусом «традиционные» (все остальные, естественно, становятся «нетрадиционными»). В качестве новаторского механизма разделения автор предлагает принятие Федерального закона «О традиционных религиозных объединениях». Новаторство и обоснованность вызывают явное возражение. Необходимо отметить, что проект ФЗ «О традиционных религиозных объединениях» уже предлагался в 1999 г. (под № 99048645-2) и был снят в 2004 г. Советом ГД ФС РФ. Таким образом, Государственная Дума еще десятилетие назад оценила отсутствие правовой значимости данного законодательного акта. Для самого понятия «традиционной» религии или религиозного объединения у автора отсутствует определение.

«Традиционными» для России, с точки зрения автора, являются православие, ислам, буддизм и иудаизм. В качестве научного обоснования этой идеи автор пишет,

что «большинство исследователей в сфере свободы совести и религиозных объединений единодушны» (С. 36), не ссылаясь при этом ни на каких конкретных исследователей ни из сферы религиоведения, ни социологии, ни иных смежных областей и прикрываясь еще при этом «свободой совести и религиозных объединений». Автор ссылается также на преамбулу ФЗ «О свободе совести...», отмечая, что «*религии и конфессии, прямо не указанные в преамбуле... некорректно считать традиционными для российского общества*» (С. 37). Однако эта ссылка как доказательство мнения автора сомнительна, тем более он заменяет «христианство» в оригинале на «православие», а также исключает указание в преамбуле и на «*другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России*». Но самое главное – преамбула никоим образом не указывает на свойство «традиционности» отмеченных религий, и сам закон ни в коей мере не выделяет их среди любых иных религиозных организаций РФ. П. 1 ст. 4 данного ФЗ специально подчеркивает, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», тогда как автор в своей работе настойчиво предлагает обратное. Даже сам приведенный перечень «традиционных» религий отражает субъективные представления автора о религиоведении: непонятно по какой причине вместо «христианства» указано исключительно «православие», а остальные указаны обобщенными наименованиями, хотя ислам, буддизм и иудаизм также имеют деление на вполне конкретные деноминации.

Устанавливая априорную связь «традиционных» религий с высокой нравственностью и национальной безопасностью (С. 56), автор противоречит сам себе, указывая, например, на сепаратизм Татарстана, Калмыкии, Тувы и Бурятии (С. 57), поскольку сепаратизм в данных регионах вырастает из особых национальных культурных традиций, сложившихся в рамках признаваемых по диссертации «традиционными» религий – ислама и буддизма. Также остается неясным, чем «традиционные» религиозные объединения могут быть по определению более законопослушными, если даже сам автор пишет о возможности применения к ним такой характеристики, как «тоталитарность» (С. 43).

Свои личные предпочтения автор в вопросе «традиционности» и не скрывает: «безусловным приоритетом в плане возможного приобретения такого статуса обладает РПЦ МП» (С. 196). Хотя И.А. Тарасевич и признает существование других «традиционных» религий, единственной упоминаемой в диссертации религиозной организацией является РПЦ МП. Именно в ее лице автор описывает получение специальных привилегий в правовой сфере, построение «кооперационной модели» государственно-религиозных отношений, наделение особыми имущественными и финансовыми правами. Данный момент позволяет также усомниться в достаточной квалифицированности автора в области рели-

гиоведения и истории религий. Кроме того, правовые льготы и привилегии для узкого перечня «традиционных» религий создадут нарушение Конституции РФ, где отмечается равенство всех религий и отсутствие приоритета какой-либо из них.

С целью придания обоснованности антисоциальности и противоречия «традиционным ценностям» автор приводит описание некоторых религиозных течений, относимых им к «нетрадиционным» и «деструктивным». Но этот блок работы (С. 82–107, 284–291, по неясной причине разделенный на две части) выполнен настолько неквалифицированно, в духе желтой прессы, что выглядит явно лишним. Изложенное в указанном разделе описание построено на основе риторики антикультового движения и миссионерских организаций и очень далеко от академического религиоведческого дискурса. Это подтверждается источниками, на которые ссылается автор: в основном это публикации А. Дворкина, одного из лидеров православного антикультового движения, деятельность которого подвергается научной критике. Например, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН религиовед Р. Лункин относительно работ А. Дворкина отмечает, что они «не являются научными, и оценивать их в рамках светской науки совершенно бессмысленно» [2]. Это же относится и к двум другим приводимым автором «специалистам в области государственно-религиозных отношений и деятельности религиозных и псевдорелигиозных объединений деструктивной направленности» – И. Куликову, А.И. Хвилья-Олинтеру.

Даже единственное на всю работу цитирование известного российского индолога И.П. Глушковой (С. 91) приводится сугубо по книге А. Дворкина, хотя еще в 2008 г. Ирина Петровна опубликовала открытое заявление с протестом против использования ее имени в качестве подтверждения подобных идей антикультового движения [3].

Автор предлагает новые определения для религиозных организаций: «нетрадиционное для России религиозное объединение деструктивной направленности» (РДН) и «нетрадиционное для России псевдорелигиозное объединение деструктивной направленности» (ПРДН).

Во-первых, единственное отличие между двумя данными категориями заключается в применении приставки «псевдо». Но ни в автореферате, ни в диссертации автор не дает определения данных типов религиозных организаций, в том числе четко разграничивающих их между собой. Единственное, что указывается, – пример таких «псевдорелигиозных организаций»: сайентология и анастасиевцы. Однако является ли это достаточным для формулирования новых терминов, о которых заявляет автор?

Во-вторых, в целом структура разделения всех религиозных организаций на «традиционные», «РДН» и «ПРДН» является крайне неполной и сомнительной. Это

лишь вновь указывает на неподготовленность автора в религиозноведческом плане. В работе (С. 45) указана ссылка на приложение, которое, по мнению И.А. Тарасевича, демонстрирует классификацию религиозных объединений, действующих в РФ. Однако оно вызывает лишь вопросы. Так, в нем указано деление на следующие группы: «Традиционные для России», «Религиозные объединения, имеющие древнюю историю» и «Новые религиозные объединения, появившиеся в России 20–30 лет назад». Совершенно не ясно, что означает с исторической точки зрения формулировка «имеющие древнюю историю» и как быть с объединениями, появившимися не 20–30 лет назад, а 50, 100 или 200? Следует ли их считать уже «имеющими древнюю историю» или просто находящимися вне предлагаемой классификации?

Исходя из размытого определения «традиционной религии» и указанного автором перечня таковых, остается неясным, где оказываются все остальные религиозные объединения, имеющие как официальную регистрацию, так и зачастую долгую историю существования на территории Российского государства, но не попадающие в список «традиционных», и при этом логически не относящиеся к «РДН» и «ПРДН». К таковым можно отнести традиционные верования народностей РФ (например, шаманизм народов Сибири), католическое вероисповедание (последователи которого проживают на территории Российского государства как минимум со времен Петра I), лютеран (как минимум со времен Екатерины II) и т.д.

В-третьих, автор противоречит собственным же предложениям. Например, «особо отмечается, что к нетрадиционным для России религиозным и псевдорелигиозным объединениям деструктивной направленности следует относить только те религиозные объединения, чья опасность для общества отражена в решениях российских судебных органов» (С. 28 автореферата). Однако в диссертации (С. 91–97) приводится в качестве примера РДН описание «Общество сознания Кришны», примыкающее, по словам автора, к сатанизму. Однако в отношении данной религиозной организации, зарегистрированной в России, нет решений российских судебных органов, устанавливающих ее опасность. А связь с сатанизмом – это вообще нонсенс. Стоило обратиться хотя бы к ставшей классической уже монографии Б.З. Фаликова [4] или современным религиозноведческим справочникам [5].

И, наконец, в-пятых, следует заключить, что хотя автор в своей работе в качестве основания для введения новых терминов «РДН» и «ПРДН» отмечает невозможность использования термина «тоталитарная деструктивная секта», принадлежавшего А. Дворкину, его собственные предлагаемые определения ничем функционально не отличаются – их применение направлено на апологетическое подавление религиозного инакомыслия.

При изучении диссертации может закрасться мысль, что цель автора – полное выведение из правовой сферы

религиозных организаций, которые окажутся, говоря простым языком, «неправильными» по мировоззрению автора, получают наименование «РДН» и «ПРДН» и исключительным образом с помощью необоснованных, с точки зрения религиозноведения, социологии и истории, механизмов будут лишены прав. В некоторых местах автор этого и не скрывает, например описывая концепцию ФЗ «О традиционных религиозных объединениях»: «Разграничить и вывести за рамки отношений государства с традиционными религиозными организациями РДН и ПРДН» (С. 277).

Большое внимание в диссертации уделяется «прозелитизму», дефиниция которого автором определяется как вклад в науку конституционного права России (С. 17, 22, 23 автореферата). Сформулированное определение данного понятия предлагается добавить в ФЗ «О свободе совести...», а также включить прозелитизм в перечень экстремистских деяний ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Неясно, чем прозелитизм, определенный как «вербовка новых членов», по сути, отличается от миссионерства? Здесь заключается противоречие ст. 8 Конституции РФ, где «каждому гарантируется право иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Исходя из сформулированной автором дефиниции и указанной конституционной статьи, можно сделать вывод, что главной угрозой «конституционных прав и интересов государства» является сама Конституция.

Из специфики определения автора неясно, является ли предложение «духовных» выгод, например, в виде «спасения души», с целью вербовки новых членов одной из форм «материальных» выгод и не совершают ли традиционные религии данный акт, который предлагается расценивать как экстремистский? И в целом непонятно, как тогда воспринимать деятельность «традиционной» религиозной организации РПЦ МП, которая не только исторически, но и в настоящее время занимается миссионерством (прозелитизмом) в России, а также и в Таиланде, Пакистане, Индонезии и других странах?

Автор диссертации предлагает расширение сферы противодействия экстремизму внесением дополнений в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Данное расширение лишь усугубит и без того непростую ситуацию в отношении антиэкстремистского законодательства, которое за последние несколько лет неоднократно становилось предметом обсуждения и даже критики на различных «круглых столах» [6]. Проблемы применения антиэкстремистского законодательства (например, чрезмерно увеличенный список экстремистских материалов, некомпетентность районных судов для ведения «экстремистских» дел, недостаточно четко очерченные критерии экстремистской деятельности, что позволяет разным экспертам делать разные выводы и т.д.) лишь увеличатся, поскольку предлагаемые автором дополнения являются слишком широкими и зачастую не имеют к экстремизму никакого отношения и

при этом могут регулироваться другими правовыми актами. В качестве примера формулировок, которые предполагают крайне широкое толкование, можно отметить: «нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан», «совершение развратных и иных противоправных действий».

Спорным выглядит предложение «запрета участия в руководстве религиозными организациями иностранных граждан» (С. 23–24) посредством дополнения ФЗ «О свободе совести...». Многие российские религиозные организации являются частью международных религиозных организаций, соответственно, имеют в своем руководстве иностранных лиц, которые также действуют в качестве священнослужителей. Это совершенно естественно и нормально, например, для Римско-католической церкви, лютеранских церквей и для других организаций. В целом данное предложение представляется искусственным, поскольку даже в отношении коммерческих и некоммерческих организаций не существует подобных ограничений.

Можно спросить, адекватной ли, по мнению автора, будет аналогичная мера запрета со стороны другого государства в отношении существующих на его территории религиозных организаций, когда, например, представители Московского патриархата не смогут участвовать в управлении церкви в данной стране?

В качестве механизма построения отношений государства и религии автор предлагает «кооперационную модель». Здесь очевидно, что на место религий автором ставятся сугубо отдельные религиозные объединения. В целом предлагаемая модель противоречит утвержденным в Конституции равноправию религиозных объединений и их одновременной отделенности от государства. То акцентирование внимания автора на предоставлении именно РПЦ МП особой роли, тогда как ни одна иная ныне существующая в России религиозная организация не была указана ни в автореферате, ни тексте диссертации, представляет скорее угрозу конституционному светскому характеру государства. Светский характер РФ и равноправие религий перед законом являются результатом исторического развития Российского государства, и сравнение с ситуациями в иных, в том числе европейских государствах, где зачастую какой-то религиозный институт оказывается связанным с институтом монархии или т.п., неправомерен и искусствен в современной России, характерной чертой для которой является многоконфессиональность и многонациональность. Таким образом, идея симбиоза власти и церкви (а судя по диссертации, автор в этом симбиозе видит исключительно одну конкретную религиозную организацию) является противоречащей Конституции РФ и ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях».

Существующее законодательство (в первую очередь ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях») предлагает простые и понятные механизмы взаимодействия государства и религиозных объединений. В противоречие этим механизмам те, что предлагает автор диссертации, провоцируют напряжение отношений и ущемление гарантируемых Конституцией прав и свобод многих граждан.

Суммируя все указанные проблемы работы и сопоставляя их с основной целью, обозначенной автором как обеспечение «религиозной безопасности как состояния, необходимого для стабильного конституционного развития Российской Федерации», можно с уверенностью сказать, что предлагаемые механизмы скорее способствуют разрушению религиозной стабильности и безопасности в обществе, подводя его к расколу и напряженности.

Для обеспечения целостности и защищенности общества необходим открытый формат взаимодействия государства с отдельными социальными группами, а также между самими группами. Однако диссертация предлагает противоположный образ действий, способствующий возвышению одних религиозных объединений и фактическому запрещению других. Государство теряет возможность открытого наблюдения за религиозными организациями, деятельность которых станет неофициальной.

Отмеченные выше проблемы, тем не менее, не помешали автору успешно пройти защиту в диссертационном совете, хотя один из официальных оппонентов дал отрицательный отзыв, считая невозможным однозначно оценить содержание диссертации, обоснованность и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций работы.

Рассмотренная работа выполнена в жанре не столько научного исследования, сколько «идеологического памфлета», цель которого – обосновать необходимость восстановления в России системы, существовавшей до Революции 1917 г., предполагавшей тесную смычку церкви и государства. Эпиграфом к представленному к защите тексту можно было бы смело взять хрестоматийную формулу министра народного просвещения графа С.С. Уварова «Православие – самодержавие – народность». Сам термин «религиозная безопасность», вынесенный автором в заглавие, – это попытка на новом этапе российской истории возродить систему тотального господства государственной клерикальной системы подавления инакомыслия. Но как показывает исторический опыт России, такого рода идеологемы приводят господствующую религиозную систему к кризису, а государство – к краху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криницкая Г.С. Еще раз о «новом» синтезе в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15).
2. Роман Лункин ответил на вопросы веб-конференции (04.05.2009). Мегпортал христианских ресурсов [invictory.org](http://www.invictory.org). URL: <http://www.invictory.com/news/story-20970-Роман-Лункин.html>.

3. Заявление Ирины Глушковой, ведущего научного сотрудника Центра индийских исследований Института востоковедения Российской академии наук. URL: http://krotov.info/lib_sec/04_g/lu/shkova.htm.
4. Фаликов Б.З. Неоиндуизм и западная культура. М., 1994.
5. Иваненко С.И. Индуистские религиозные и духовно-просветительские организации в России : справочник. М. : Философская книга, 2003.
6. Итоговый документ Круглого стола в редакции «МК» по проблемам применения антиэкстремистского законодательства в отношении религиозных текстов, в частности к книге «Бхагавад-гита как она есть». Москва, 28 ноября 2011. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=88265>.

Filkin Konstantin N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: indology@eml.ru ; *Khazanov Oleg V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: klio1@yandex.ru

POTENTIAL IMPACTS OF A “METHODOLOGICAL SYNTHESIS”. THE REVIEW OF THE DISSERTATION RESEARCH “CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF THE RELIGIOUS SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION” BY I.A. TARASEVICH.

REFERENCES

1. Krinitskaya, G.S. (2011) Once more about “new” synthesis in history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). (In Russian).
2. Lunkin, R. (2009) *Roman Lunkin otvetil na voprosy veb-konferentsii (04.05.2009)* [Roman Lunkin answered questions of the web conference (May 4, 2009)]. [Online] Available from: <http://www.invictory.com/news/story-20970-Roman-Lunkin.html>.
3. Glushkova, I. (2008) *Zayavlenie Iriny Glushkovoy, vedushchego nauchnogo sotrudnika Tsentra indiysskikh issledovaniy Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk* [Statement by Irina Glushkova, leading researcher of the Centre of Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences]. [Online] Available from: http://krotov.info/lib_sec/04_g/lu/shkova.htm.
4. Falikov, B.Z. (1994) *Neoinduizm i zapadnaya kul'tura* [Neo-Hinduism and Western culture]. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Ivanenko, S.I. (2003) *Induistskie religioznye i dukhovno-prosvetitel'skie organizatsii v Rossii* [Hindu religious, spiritual and educational organizations in Russia]. Moscow: Filosofskaya kniga.
6. Credo.ru (2011) *Itogovyy dokument Kruglogo stola v redaktsii “MK” po problemam primeneniya antiextremistskogo zakonodatel'stva v otnoshenii religioznykh tekstov, v chastnosti k knige “Bkhagavad-gita kak ona est”* [Outcome of the Round Table in “MK” on the application of anti-extremist legislation against religious texts, such as “Bhagavad-gita As It Is”]. Moscow. November 28, 2011. 2011. [Online] Available from: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=88265>.